

Под эмбарго до 10 января 2018

показания

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ НАРКОТИКОВ В МИРЕ

ВРЕМЯ РАЗВЕЯТЬ ПРЕДРАССУДКИ О ЛЮДЯХ, ПОТРЕБЛЯЮЩИХ НАРКОТИКИ

Эдмонд С. Фехоко, Новая Зеландия

В настоящее время я получаю докторскую степень в области общественного здравоохранения в Окландском технологическом университете. Мои родители иммигрировали в Новую Зеландию с острова Хаапай, Королевство Тонга. Связь с моим наследием важна и для меня лично, и для моей академической работы: в своем магистерском исследовании я изучал опыт 12 новозеландских тонганцев, участвующих в ритуале фаикава («кружка кавы»). Я отчетливо помню первый опыт участия в Круге кавы — это было в нашей церкви, мне было 14 лет, и со мной был отец. Когда я принимаю каву, я становлюсь общительным, но в то же время умиротворенным, уровень стресса постепенно уменьшается, наступает состояние спокойствия.

Круги кавы — это социальное и культурное пространство. Тихоокеанские сообщества, в том числе и тонганы, собираются, чтобы делиться идеями, знаниями и опытом, и употребляют каву, чтобы соединиться со своими родинами. Кава — это напиток, сделанный из корней растения кавы, и его психоактивные, духовные, лекарственные и культурные свойства высоко ценятся в тихоокеанском регионе. Кава — легкий анестетик с противогрибковым действием. Научные исследования показали, что кава также обладает мягкими антибиотическими свойствами. Кава применялась при лечении головных болей, проказы, бессонницы, мигрени, туберкулеза; женщины на Фиджи лечили ей менструальные боли. Таким образом, известная своими лечебными свойствами, кава считается «самым импортируемым и важным психоактивным растением в Тихоокеанском регионе».¹

Отношение к тому, что я употреблял каву, было как положительным, так и отрицательным. Положительное отношение обычно связано с тем, что кава считается альтернативой потреблению алкоголя. Эффект опьянения кавы отличается от алкоголя. Она создает теплое, приятное, веселое и

ленивое чувство, делает людей общительными, но при этом вполне адекватными и не теряющими здравый смысл. Употребление кавы также рассматривается в позитивном свете, так как предотвращает возможную вовлеченность в молодежную преступность. Моя семья ценит то, что, благодаря кофе, мне легко дается понимание языка и культуры Тонга; я могу вести гармоничный диалог (диалог) с другими людьми в Кругу.

С другой стороны, иногда, после долгой ночи приема кавы, мой ум может быть немного вялым. Отрицательная стигма связана с тем, что человек проводит ночь в Круге кавы, а не с семьей или друзьями, не употребляющими каву. В некоторых случаях это может означать, что в доме не хватает отца. Моя жена и семья сравнивают мое участие в Кругах кавы с тем, как британские дамы собираются на чаепития или с тем, как академики собираются, чтобы выпить кофе.

Вини, мать Гийермо, Чили

Мой сын Гийермо родился в 2001 году с недиагностированным генетическим расстройством. Когда ему было 5 месяцев, у него начались судороги. Сначала мы думали, что у него синдром внезапной детской смерти — главным проявлениям судорог было то, что Гийермо переставал дышать во сне. Только когда ему исполнилось два года, доктора поняли, что у него эпилептические припадки. Мы попробовали все: разнообразные лекарства, специальные диеты, даже операции на головном мозге (каллозотомия); ничего не помогло. Его рефрактерная эпилепсия дошла до такой степени, что каждые 5 секунд мы делали электрический разряд в его мозгу.

В 2013 году я начала читать статьи о масле каннабиса. Я попыталась получить его из США, но безуспешно. Только через год я услышала о чилийском фонде, который помогает в таких случаях, и мы смогли впервые получить масло. Когда я начала давать масло сыну, у Гийермо не было судорог целых 7 дней. Позже они снова вернулись, но возникали уже гораздо реже. Раньше у него могло быть около 10 генерализованных тонико-клонических судорог в день; во время первого курса лечения маслом каннабиса у него было 1 – 2 судороги.

В Чили в соответствии с законом 20000 допускается выращивание и использование каннабиса для личного или медицинского использования. В 2015 году закон был адаптирован, и теперь допускается импорт, продажа и научное исследование экстрактов каннабиса. Аптеки продают два вида продукции, но одна бутылка, которой Гийермо хватает на 7-10 дней, стоит 200 000 чилийских песо (около 300 долларов США), при этом ежемесячная минимальная заработная плата составляет 270 000 песо (около 420 долларов США).

Чтобы иметь возможность давать Гийермо медицинский каннабис, я выращиваю каннабис сама, а затем извлекаю из него смолу, которая подходит ему больше, чем масло. В 2015 году я нашла то, что я называю «магическим сортом», наиболее эффективным для моего сына. У Гийермо не было приступов в течение 4 месяцев, потом они случались только раз в 10 дней. Сорт сохранял эффективность почти полтора года. Сегодня я продолжаю выращивать каннабис и искать новый «магический сорт». У меня нет никаких сомнений в правильности моих действий. Ради сына я пошла бы на всё, что угодно, кроме реального преступления. И под преступлением я имею в виду воровство или убийство. Как может быть преступлением то, что я выращиваю что-то в своем саду? Хотя, теоретически, то, что я делаю, в Чили не противозаконно, я все еще боюсь, что полиция может ворваться в мой дом, обвинить в том, что я выращиваю каннабис на продажу, и забрать растения, которые нужны моему сыну.

Сначала моя семья была шокирована тем, что я хотела выращивать каннабис — у этого растения дурная слава. Меня поддерживала только моя мать. Когда семья увидела, что состояние Гийермо улучшилось, они поняли, зачем я это делаю. Доктор повел себя точно так же. Сначала он назвал меня сумасшедшей, но я продолжила и держала его в курсе развития событий. Однажды он прочитал в медицинском журнале статью о каннабисе и эпилепсии и изменил свои взгляды. Впоследствии он сам написал статью, используя Гийермо и другого пациента в качестве исследовательских примеров. Он также направлял ко мне других пациентов, чтобы я объяснила им, как использовать медицинский каннабис. На мой взгляд, процесс как-то повернут с ног на голову. По идее, сначала должно проводиться научное исследование, после него лечение предоставляют пациентам. У нас же наоборот — пациенты экспериментируют сами, чтобы найти лучший способ лечения своих болезней.

Кармен, Германия

Когда мне было 16, подруга помогала своему старшему брату делать «космические печенья» — то есть, печенья с гашишем. Она поделилась ими со мной и еще парой друзей. Это был довольно интересный опыт. Мы несколько раз ели выпечку или горячий шоколад с каннабисом, и позже, когда я начала курить сигареты, я начала курить и косяки. Мы дули, когда были на вечеринках, или когда приходили большой компанией в гости к другу. Мы покупали вскладчину — скидывались по 10 немецких марок или типа того, и друг брал гашиш на всех. Веса хватало на пару недель или на месяц, так как многие дилеры не продавали меньше 5-10 грамм. После покупки мы делили всё между собой. Лишь много позже я поняла, что то, что мы делали, называется «социальным сбытом», и что друг, который для всех закупал гаш, мог рассматриваться как наркоторговец. Я продолжала курить траву в университете, в основном в выходные. Но я все меньше и меньше тусовалась и меньше курила.

Поскольку я выросла в Баварии, федеральной земле с самыми строгими законами о наркотиках в Германии, мы боялись попасться даже с одним косяком и курили только в машине за углом возле ночного клуба или дома у друга. К счастью, никто из нас не нажил неприятностей с полицией.

Сейчас я замужем и у меня три ребенка, я работаю неполный рабочий день по специальности, и в моей жизни больше нет места каннабису — за исключением, возможно, поездки раз в пару лет со школьными друзьями: мы можем покурить, чтобы доказать себе, что мы все еще «молоды».

Николя Манбоде, Маврикий

Я начал курить каннабис в возрасте 16 лет, а в 18 лет я начал колоться героином. Пока я мог скрывать это от семьи, все было в порядке, я употреблял в свободное от дел время. Работать я начал очень рано, работал в строительном секторе, вместе с отцом. Строительство — жесткий мир. Иногда вы получаете контракт и очень много работы, а иногда нет. В конце одного из наших проектов у нас не было работы, поэтому почти каждый день я сидел дома, особо ничего не делал и начал регулярно колоться.

Первый раз меня арестовали за хранение героина, когда мне был 21 год. К тому времени моя жизнь полностью изменилась. У меня не было работы, денег, и употребление наркотиков стало для меня реальной проблемой. Против меня заводилось больше и больше полицейских дел, что усложняло мою жизнь.

К 27 годам мне уже порядком надоело отмерять свою жизнь тюремными сроками. Было тяжело и невыносимо. Не о такой жизни я мечтал. Тяжело постоянно мотать срок, торчать тоже тяжело, я хотел бросить. Я побывал в нескольких центрах детоксикации и лечения, основанных на абстиненции, но ни один из них мне не помог. Программы там длились по 2 недели, но, когда я возвращался домой, в моем районе ничего не менялось, и я возвращался к торчу. Затем я решил попробовать лечение метадоном, но, прежде чем я смог его начать, в 2010 году я был приговорен к 2 годам лишения свободы. В тюрьме я узнал, что у меня ВИЧ и гепатит. Я был в шоке. Когда я освободился в 2011 году, я начал метадоновую программу и оставался на ней два года. Эта программа мне помогала, я чувствовал поддержку. У меня была цель, и я ее держался. Абстиненция в чистом виде для меня не работала; кроме того, мне требовалось медицинское наблюдение. Я хотел заняться здоровьем и вскоре начал постепенно уменьшать дозы метадона. Мне потребовалось 3 месяца, и, наконец, в 2013 году я полностью прекратил употреблять.

У меня стали налаживаться отношения с семьей. Они видели, сколько сил я прилагал для того, чтобы бросить наркотики. Я начал подрабатывать. Когда-то потерянное доверие было восстановлено. Но всё это продолжалось недолго; прошлое меня настигло. В 2015 году я получил приговор по делу, которое находилось на рассмотрении полиции с 2008 года. Меня снова приговорили к двум годам лишения свободы.

К счастью, при помощи связей многих знакомых приговор был заменен на общественные работы. Когда я решил завязать, я начал волонтерить в нескольких организациях, и это очень мне помогло. На профессиональной работе все было сложно, многие клиенты разорвали со мной контракты. Но я не сдавался. Местная неправительственная организация Collectif Urgence Toxida (CUT) искала лидера аутрич-команды. Я подал резюме, и работаю с ними до сих пор.

Если бы я не прошел через все это, я бы не стал тем, кем являюсь сегодня. Когда я думаю о временах потребления, я осознаю, что, если бы не наркотики, я не попал бы в тюрьму и не заразился бы. Со временем у меня повысилась самооценка, появилось больше уверенности в своих действиях. Я хочу помогать людям с помощью программы снижения вреда, и думаю, что, если бы я не прошел через всё это, я бы никогда не стал помогать другим. Сегодня меня уже не волнует то, что думает обо мне общество.

Оксана, Российская Федерация

У меня уже несколько лет была зависимость от героина, но мне удавалось с ней справляться. Я мечтала о ребенке. К моменту моей беременности я уже два года не употребляла наркотики. Была счастлива, пошла к врачам. В больнице меня ошеломили новостью, что мне нельзя рожать, потому что у меня наркозависимость и ВИЧ. Сказать, что я расстроилась – ничего не сказать. Моя мечта рухнула. В нашей стране аборт делают бесплатно до 12 недель. Позже аборт делают только в особых случаях, и ты платишь сама. Поэтому я стала искать деньги на аборт. Может, и были варианты сделать его бесплатно, но врачи мне об этом не сказали. Я все время плакала, перестала есть. Хотелось убить себя. Потянуло к наркотикам. Похудела до костей. Написала завещание на сестру, готовясь умереть.

Чтобы сделать аборт, нужна была справка из наркологии о том, что я наркоманка. Но в наркологию беременных женщин в нашей стране не берут. Дело в том, что в России запрещены программы заместительной терапии метадонем, которые помогают наркозависимым женщинам во время беременности, а официальные программы детокса, которые предлагает государство, противопоказаны беременным — применяемые там препараты токсичны для плода.

Меня взяли только после того, как узнали, что после наркологии я смогу сделать аборт. Накануне аборта от подружек я узнала, что с моими диагнозами можно рожать здоровых детей. Значит, все, что я вытерпела, было просто из-за прихоти врачей?!

Я объявила, что сохраню ребенка! Персонал кричал, что я безответственная наркоманка. Они не хотели возвращать мне деньги, которые я внесла за аборт. От пережитого у меня начались преждевременные роды. Я родила девочку на 28 неделе; Юля родилась здоровой! Это было счастье, которое далось мне столь дорогой ценой.

Я пожаловалась на врачей. После жалобы ко мне домой пришла полиция — из-за анонимного заявления о том, что я не забочусь о ребенке. Так мне отомстили врачи.

Несмотря на это, счастье длилось более двух лет. Я должна была зарабатывать деньги для ребенка, и я нашла работу. Для того, чтобы заботиться о ребенке, мне нужно было много сил. Я уставала на работе, а когда возвращалась домой, то встречала упреки родных, которые брали на это время дочку к себе. Вскоре умер отец дочки, и мне стало совсем сложно. Трудности с работой, бытовые трудности, а потом смерть отца ребенка и стигма снова вернули меня к употреблению. Я сорвалась. На меня завели фальшивое уголовное дело за хранение наркотиков. Полиция устроила обыск у меня дома, но наркотики так и не нашла. Тогда они достали из шкафа сахар, насыпали его на стол, раскатали в порошок, накидали на стол шприцы, позвали понятых и заявили, что это наркотики. В отделении полиции мне в личные вещи подбросили шприц.

Мне дали 3 года и 3 месяца в колонии. Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков написала статью, в которой меня изобразили ужасным монстром; кроме того, они разгласили мой ВИЧ-статус. Статью сняли только после того, как я написала жалобу в прокуратуру. Было уже поздно — ее прочитали почти все мои знакомые и родные.

Сейчас я нахожусь на зоне, сижу уже год. Осталось больше двух. Мы работаем почти без выходных. Терапия от ВИЧ постоянно меняется — что есть, то и дают. Переживаю за здоровье. О дочке не могу думать — начинаю плакать. Мечтаю только об одном — снова увидеть Юлю и никогда больше не разлучаться. Но если ты наркоманка, ты не можешь гарантировать, что ничто не разрушит твои планы.

Ева, Соединенные Штаты Америки

Когда мне было немногим больше двадцати, я была очень успешной. Я жила в Нью-Йорке, писала на фрилансе, выпускала статьи для известных изданий. Я грелась в лучах славы. Я ходила на причудливые вечеринки для знаменитостей и интервьюировала людей, которые были звездами в своих областях. Я часто была пьяна, на отходняках или на кокаине, но старалась, чтобы это не влияло на качество моей работы.

Я осознаю, что выросла с огромной привилегией. Я училась в одном из университетов Лиги плюща, где впервые и познакомилась с кокаином. Я помню, как сказала другу: «Не хочу его даже пробовать, потому что знаю, что мне это понравится». Мне нравилось все, что делало меня сильной, остроумной и заряженной. В первый раз я пробовала кокаин со своими друзьями; оба очень были богаты и успешны. Нам казалось — ну чего тут такого. Его было очень легко достать — пара классных ребят ехали в Нью-Йорк, брали несколько граммов и привозили их сначала на специальные мероприятия, затем просто на выходные, а вскоре и по будням.

Когда я переехала в Нью-Йорк, чтобы работать в издательстве, мой друг познакомил меня со своим дилером. Я конечно понимала, чисто теоретически, что кокаин нелегален, но это не имело значения. Мне просто нужно было отправить смску и написать сколько «билетов» (граммов кокаина) мне хотелось. Когда мой привычный дилер был недоступен, я звонила другому. Помню, как один раз села на переднее сидение машины в Ист-Виллидж. Я начала поворачиваться, и тут слышу голос сзади: «Не поворачивайся». Я должна была просто протянуть руку; в нее положили упаковки с кокаином, я дала парню спереди деньги и ушла.

Были времена, когда мне не хватало денег. Я все равно звонила дилеру и пыталась договориться о скидке. Это никогда не срабатывало; я слышала, что некоторые женщины обменивали секс на наркотики, но я этого не делала, и этому рада.

Я завязала, когда мне было 24. Я думала, что моя проблема — это кокаин, но вскоре поняла, что когда бы я ни напилась, я хотела купить наркотики. Я не пью и ничего не употребляю уже десять лет.

Я твердо верю в необходимость правового регулирования. Так или иначе, я бы начала принимать кокаин — в силу темперамента, в силу финансовых возможностей и так далее. Но было бы гораздо безопаснее, если бы у меня был законный доступ к веществам, и я могла не попадать в ситуации, подобные той, в машине. Много раз случилось, что я держала в руках непонятно чем разведенное вещество; я четко понимала это, но все равно его употребляла, потому что ничего не оставалось. После того, как я бросила, у меня возникла куча проблем со здоровьем; я часто думаю о том, что это связано и с тем, что я употребляла непонятно чем разведенные наркотики.

Я рада, что сегодня ничего не употребляю, но я так же благодарна за опыт зависимости. Этот опыт научил меня состраданию, а также дал глубокое понимание того, насколько случайно то, кто становится зависимым, а кто нет. Почти все мои друзья также принимали кокаин, но они смогли бросить до того, как у них появились какие-либо проблемы. А я не смогла.

Тереза, Португалия

Меня зовут Тереза, мне 22 года, и я живу в Лиссабоне, Португалия. Я только что закончила учебу в области социальной работы. Я люблю животных и псай-транс.

В это может быть сложно поверить, но я никогда не пью алкоголь, и я не курю каннабис. Тем не менее, я курю табак, и иногда (3-5 раз в год) я принимаю незаконные вещества. Мои любимые — спиды (амфетамины), экстази (MDMA) и 2С-В; также я пробовала ЛСД, волшебные грибы, кокаин, мефедрон и другие вещества.

Раньше я принимала гораздо больше веществ, чем сейчас, но со временем я научилась выбирать правильные моменты. Мне очень нравились психоделики, но сейчас я предпочитаю стимуляторы. Я всегда делаю много исследований о потребляемых препаратах и о том, как их лучше всего принимать — о количестве, способах приема и взаимодействии между ними.

Об этом знают все мои друзья; я не скрываю это от них, потому что не стыжусь этого и считаю это важной частью моей жизни. Я думаю, у моей семьи есть некоторые подозрения о том, что я что-то употребляю, но мы никогда это не обсуждаем. Хотя я уверена, что употребление не оказывает никакого негативного влияния на мою жизнь, моя семья может расстроиться, если я им расскажу.

К счастью, я достаточно молода, и никогда не сталкивалась с последствиями криминализации веществ — в 2001 году в Португалии все наркотики были декриминализованы для личного употребления. Было бы неплохо, если бы существовало постоянное место, где я могла бы проверять мои вещества на чистоту и состав, прежде чем принимать их, чтобы знать наверняка, что попадает в мой организм. Тестирование наркотиков разрешено по португальскому законодательству, и его проводят на некоторых музыкальных фестивалях, но у нас до сих пор нет постоянного места, которое открыто круглый год. Это значит, что сколько бы я не узнавала о наркотиках, которые я принимаю, что-то всегда может пойти не так, потому что, покупая их на улице, я на самом деле не знаю, что беру.

Аноним, Гана

Мои соседи и друзья ласково называют меня Тогоманом. Мне 53 года, я был фермером, выращивал кассаву*. Я начал курить марихуану в возрасте 19 лет и курю ее до сих пор. Я не считаю, что у меня с этим какие-то проблемы. Трава — это хорошо, она помогает мне расслабиться и продолжить мою работу. Я классный человек, я не пью алкоголь, я не беспокою соседей. Раньше я курил траву после тяжелого рабочего дня, чтобы расслабить уставшее тело; после того, как я закуривал, я ел и спал.

Я всегда сажал траву [каннабис] среди урожая кассавы — для себя и для некоторых товарищей-фермеров. Шесть лет назад друг, которого я часто накуривал, проинформировал полицию о моем употреблении. Меня арестовали и предъявили обвинения в хранении. Я был осужден и приговорен к 10 годам лишения свободы. Я уже отсидел 6 лет, 2 года в тюрьме Акусе и 4 года в тюрьме общего режима в Нсаваме.

Продажа марихуаны в стенах тюрем еще более распространена, чем на свободе. Поэтому даже в тюрьме, когда у меня есть деньги, я могу купить ее у других осужденных, торгующих наркотиками. Но надо быть очень осторожным, чтобы не попасться, иначе могут накинуть срок.

С момента ареста и тюремного заключения жизнь стала очень сложной и для меня и моей семьи. Я очень страдаю в тюрьме, мне здесь очень тяжело. Тюрьма — это не шутка. Тюремный срок навис черной тучей надо мной и над моей семьей. Он полностью разрушил мечты моих детей. Они бросили школу. Мой первый сын, Корши, учился в старшей школе, а его младшая сестра была в средней школе. Им обоим пришлось отказаться от школы, потому что некому было платить за их образование. Домовладелец выгнал семью из дома, потому что моя безработная жена не могла позволить себе платить ежегодную аренду. Мой мальчик, Корши, стал приторговывать на улице. Моя дочь забеременела, и на этом закончились все ее амбиции. Если честно, моя семья потерпела крах.

Я молюсь, чтобы что-то было сделано в отношении закона о марихуане. У меня никогда не было проблем, связанных с употреблением марихуаны, я никогда не слышал, чтобы кто-то умер, куря траву. Мы каждый день слышим истории о людях, погибающих от акпетеша**, при этом алкоголь можно спокойно продавать. Так почему же они не позволяют нам курить нашу траву? Я думаю, что власти должны хорошенько обмозговать закон и подумать о том, как разрешить людям легально курить траву. Они должны позволить людям, которые хотят ее выращивать, делать это под тщательным наблюдением. Я не преступник, я миролюбивый гражданин Ганы. Я никогда не крал, не убивал и не делал ничего плохого.

* Кассава, также известная как юка, маниок, является основным продуктом питания в Западной Африке и других частях тропиков.

** Акпетеша — алкогольный напиток, производимый в Гане.

Ас, Малайзия

Меня зовут Ас, и мне 38 лет. Я из Паханга. Я употребляю наркотики почти 20 лет. Я колюсь, курю и нюхаю все виды наркотиков, но мои любимые – это героин и айс. Меня 8 раз упекали в центры задержания наркоманов и 19 раз в тюрьму. Моя жизнь очень сложна, я постоянно боюсь, что меня могут арестовать и приговорить к смертной казни.

Из-за системного употребления мне самому приходится приторговывать. Так я получаю средства чтобы оплатить ежедневное потребление, немного еды, аренду комнаты и немного дополнительных вещей. Я не зарабатываю много денег, и, если бы у меня был выбор, я бы не торговал. В Малайзии, если вас арестуют с 15 или более грамм героина или морфина, или 200 или более грамм каннабиса, вас могут казнить. Этого не должно быть! Никто не должен умирать за хранение наркотиков. Я не убийца и не предатель страны.

Моя семья знает о моем потреблении. Иногда, с разрешения моей матери, я принимал наркотики дома. Но это было давно, и я решил не возвращаться домой, поскольку дела у меня идут не очень. Я женился, когда мне было 20 лет: это был брак по договоренности родителей. Мой брак длился 10 лет, и у меня есть дочери-близнецы. Мне пришлось отпустить жену и дочерей из-за давления со стороны ее родителей в то время, когда я сидел. Сейчас, из-за проблем с наркотиками, мне редко удается видеться с дочками.

То же самое касается общества. Люди смотрят на меня как на шлак, как на бесполезный мусор. Они не доверяют людям, употребляющим наркотики. Они не видят во мне человека. Я стараюсь выживать, выполняя все виды работ, предлагаемых IKHLAS [местная организация сообщества] — например, разгрузку грузовиков или уборку. Но этого недостаточно, чтобы оплатить все счета, поэтому, чтобы свести концы с концами, мне до сих пор приходится торговать.

Общество всегда будет плохо относиться к нам, потребителям наркотиков. Мы обременяем их жизнь. Но задумываются ли они о том, что произойдет, если проблема наркотиков затронет членов их собственных семей? Общество должно быть информировано об этих проблемах. Люди должны понимать, что не нужно вешать наркоторговцев или тех, кто попадает с небольшим

количеством героина или каннабиса для собственного употребления. Я продаю не потому что хочу, а потому, что у меня нет другого выбора.

¹ Чтобы больше узнать о каве, см. Fehoko, E. (2014) *Pukepuka fonua: An exploratory study on the faikava as an identity marker for New Zealand-born Tongan males in Auckland, New Zealand* (Неопубликованный магистерский тезис). Auckland: Auckland University of Technology; Aporosa, S. (2011) Is kava alcohol? The myths and the facts. *Pacific Health Dialog*, 17 (1), стр. 157-164; Aporosa, S. (2012) *Yaqona (kava) and education in Fiji: Investigating "cultural complexities" from a post-development perspective* (Неопубликованная докторская диссертация). Palmerston North, NZ: Massey University; Fehoko, E. (2015) Social space and cultural identity: The faikava as a supplementary site for maintaining Tongan identity in New Zealand. *New Zealand Sociology*, 30 (1), стр. 131-139; Finau, S., Stanhope, J., Prior, I. (1982) Kava, alcohol and tobacco consumption among Tongans with urbanisation. *Social Sciences and Medicine*, 16, стр. 35-41; Lebot, V., Merlin, M., Lindstrom, L. (1997) *Kava: The Pacific elixir: The definitive guide to its ethnobotany, history and chemistry*. Rochester, VT: Healing Arts Press; Lemert, M. (1967) Secular use of kava in Tonga. *Quarterly Journal of Studies on Alcohol*, 28 (2), стр. 328-341; Sarris, J., et al (2013) Kava in the treatment of generalised anxiety disorder: A double-blind, randomised, placebo-controlled study. *Journal of Clinical Psychopharmacology*, 33 (5), pp. 643-648; Singh, Y.N. (ed.) (2004) *Kava: From ethnology to pharmacology*. London: CRC Press; Singh, Y.N., Blumenthal, M. (1997) Kava: An overview. *Herbalgram*, 39 (1), стр. 34-56.